

В отличие от ликующего зрительного зала, за кулисами царила мертвая, почти кладбищенская тишина.

Цуй Дафу с самого начала подготовки крутился у входа, встречая и провожая гостей в надежде завязать полезные знакомства с армейским начальством. В этой суете он совершенно упустил из виду своего племянника Цуй Пэна, который испарился без следа.

До выхода на сцену оставались считанные минуты, когда помощники наконец решились доложить о пропаже. А ведь Цуй Дафу только что перед комиссаром Чжао распиался, клятвенно обещая незабываемое сольное выступление племянника! Не будь у него бычьего здоровья, его бы точно прямо там кондрашкахватила.

— Да куда он делся?! Живой человек, не иголка в сене! Почему мне доложили только сейчас, когда катастрофа уже на пороге?!

За безопасность племянника Цуй Дафу не переживал — на военной базе безопаснее, чем в сейфе, да и сбежать отсюда незаметно невозможно. К тому же Цуй Пэн, как и его дядя, спал и видел, как сегодняшнее выступление вознесет их на вершину. Смысла бежать не было. Но тогда где же он, черт возьми?

Ли Фэнчунь хмуро зыркнул на Цуй Дафу.

— И толку теперь сокрушаться? Цуй Пэн — взрослый парень, не няньку же к нему приставлять! Сейчас главное — найти замену на роль запевалы.

Окружающие дружно закивали, соглашаясь.

Цуй Дафу, не желая упустить лакомое место для племянника, мгновенно растерял всю свою спесь. Он заискивающе улыбнулся директору Ли:

— Подождите, директор Ли, давайте еще немного подождем. Я уже отправил людей на поиски. Наш номер предпоследний, времени еще вагон, успеем...

От этого лебезения Ли Фэнчунь закипел еще сильнее. Он с размаху грохнул своей любимой фарфоровой кружкой по столу:

— Вагон, говоришь?! Да черта с два! Меняем его! Сказал — замену, значит, замену!

Обычно добродушный и улыбчивый директор Ли впервые рвал и метал с такой яростью. Скандал в вокальной труппе разгорелся нешуточный, и к ним уже начали подтягиваться любопытные из танцевальной труппы.

Впрочем, радоваться чужой беде никто не спешил. Весь Ансамбль песни и пляски плыл в одной лодке: провал одного означал позор для всех. Если Цуй Пэн не выйдет на сцену, сорванный номер — полбеда, а вот запятнанная репутация коллектива — это уже катастрофа.

Сун Чжиши тоже стоял в толпе зевак. Обычный разнорабочий на побегушках, он никак не мог повлиять на решения руководства. И все же лажа на первом официальном концерте Ансамбля песни и пляски не сулила ему ничего хорошего...

Пока он размышлял, взгляд его случайно упал на стройный силуэт в углу.

Есть! Вот же оно, идеальное решение, прямо перед носом!

Пока Ли Фэнчунь и Цуй Дафу ожесточенно спорили, под сводами закулисья раздался чистый, звонкий голос:

— Позвольте мне!

Этот голос прозвучал как музыка небесная, мгновенно вытащив из бездны отчаяния измученного директора Ли.

Цуй Дафу, обуреваемый злобой, тут же обернулся посмотреть на нагллицу, посмевавшую покуситься на место его ненаглядного племянника.

Оба уставились на говорившую и так и застыли от изумления. Это была всего лишь новенькая девчонка из вокальной труппы.

Ли Фэнчунь, ухватившись за этот шанс как утопающий за соломинку, торопливо шагнул к ней:

— Тебя ведь зовут Чу Сюйин, верно?

Девушка кивнула и уверенно вышла вперед:

— Да, директор.

Красота Чу Сюйин не вызывала сомнений: даже без грамма грима она выглядела свежо и очаровательно. Но важнее было другое — ее недавний выкрик идеально подходил по тональности к сегодняшней песне.

— Ты хорошенько подумай, — ядовито процедил Цуй Дафу. — Это тебе не репетиция в пыльном классе, а живое выступление. В зале сидят такие чины, перед которыми мы с тобой пыль под ногами. Накосячишь — костей не соберешь.

Для дебютантки, ни разу не стоявшей на большой сцене, подобные слова звучали как прямая угроза.

Ли Фэнчунь разозлился на Дафу, но в душе признал его правоту. Бывали случаи, когда на репетициях артисты пели божественно, а перед залом от страха не могли и пискнуть. Опозориться на сцене куда хуже, чем вообще не выйти.

Однако Чу Сюйин ответила без тени сомнения:

— Не волнуйтесь, директор. Я справлюсь, доверьтесь мне.

— Нельзя! — тут же вскинулся Цуй Дафу. — Директор Ли, вы же сами говорили, что новичков выпускать нельзя! У нее же ноль опыта... Лучше выбрать кого-то из старост групп. По уровню они ничем не уступают Цуй Пэну.

Слова Цуй Дафу заставили директора Ли поколебаться.

Кого выбрать: неопытную, но одаренную редким голосом дебютантку или проверенного временем, но заурядного ветерана? Вот в чем вопрос.

Размышлять времени больше не осталось — из динамиков уже разносился голос конференсье:

— А сейчас встречайте Шахтерский ансамбль песни и пляски Шэньгань с хоровой композицией «Ярко-красные цветы лилии»! Ваши аплодисменты!

Как? Уже?! Но они же еще ничего не решили!

Зал разразился шквалом аплодисментов. Зрители замерли в предвкушении.

Секунды складывались в минуты, но сцена оставалась пустой.

— Эй, в чем дело?

— Почему никого нет?

— Случилось что-то?

Затянувшаяся пауза породила шепотки. По залу покатился ропот сомнения. Уже любой дурак понимал: за кулисами творится лажа.

Сидевшие в первых рядах Чжао Юаньшу и Лю Фуцин напряглись и подались вперед, пытаясь разглядеть сквозь щели в занавесе, что происходит в закулисье. Будь их воля, они бы сами туда запрыгнули.

— Расцвели в горах лилии ярко-красные...

В самый критический момент из-за кулис взмыл чистый, пронзительный женский голос. Без микрофона, без музыки — этот чистейший высокий звук мгновенно прошел душный воздух зала, заставив всех затаить дыхание.

— Ярким цветом горят...

— Наша Красная армия...

— Прибыла на север Шэньси!

Колоритный шэньсийский говор Чу Сюйин вдохнул жизнь в старую революционную песню приграничья.

За кулисами все так и застыли с разинутыми ртами, глядя на девушку. Без грима, без сценического костюма, в простой полинявшей розовой блузке и с двумя хвостиками, она уверенно шагнула прямо на освещенную сцену.

Ли Фэнчунь первым опомнился от шока и яростно зашептал музыкантам:

— Чего застыли?! Музыку!

В ту же секунду грянул оркестр: запели цзин-эрху, юэцинь, саньсянь, зазвенели флейты, шэн и залиvistая сона.

Остальные артисты вокальной труппы вышли из оцепенения и один за другим потянулись на сцену, занимая места на трехъярусной подставке. Хор мгновенно выстроился в идеальный полукруг.

Редкие хлопки в зале быстро сменились дружным, нарастающим шквалом аплодисментов.

Старый военачальник в первом ряду повернулся к адъютанту:

— Сначала голос, потом артист. А ведь неглупо придумано, весьма оригинальный выход!

Чу Сюйин стояла впереди всех и с сияющей улыбкой выводила:

— Тысячи семей, эй-хей, распахните двери широкие, встретим наших родных бойцов!..

Пусть ее вокальной технике еще не хватало шлифовки, первозданная, природная сила голоса искупала всё. Она пела душой, держалась на сцене уверенно и свободно, а ее миловидное лицо так и светилось изнутри. Глядя на нее, никто бы не поверил, что эта девушка дебютирует.

Ли Фэнчунь не верил своим глазам и ушам:

— Какая подача! А как сориентировалась в критический момент! Из этой девчонки выйдет настоящий бриллиант.

Слыша столь восторженную похвалу из уст директора, Цуй Дафу лишь молча кивал, позеленев от досады.

Остальные новички, наблюдавшие за кулисами, во все глаза смотрели на поющую Чу Сюйин. Без единой совместной репетиции хор сработал как единый организм, полностью замяв недавний конфуз.

«Вот она, сила таланта», — подумал Сун Чжиши, искренне радуясь за подругу.

Останься этот напыщенный Цуй Пэн на месте запевалы, остальным хористам пришлось бы годами протирать штаны на задворках. Сам Сун Чжиши в прошлой жизни два года простоял «живой декорацией» на краю сцены, пока не развелся с Гу Хуаем и не уволился к чертям собачьим.

В зрительном зале молодой солдат, который раньше провожал артистов, горячо доказывал что-то Лэй Цинго:

— Да точно вам говорю! Это был Сун Чжиши, я своими глазами видел!

Лэй Цинго до боли в глазах всматривался в три ряда артистов вокальной труппы на сцене.

— Ну и где он? Что-то я его в упор не вижу. Глянь еще раз, может, обознался?

Чжан Файи прыснул от смеха:

— Лэйцзы, тебе-то какая печаль до этого парня? С чего вдруг такой интерес?

Лэй Цинго недовольно буркнул:

— Просто хочу посмотреть, на что он способен. Отвяжись и смотри концерт.

Похожий разговор шел и между Лю Фуцином и Чжао Юаньшу.

Лю Фуцин ткнул комиссара локтем в бок:

— Слышь, Сяо Чжао, а где этот оболтус Сун Чжиши? Что-то его не видать.

Чжао Юаньшу отлично знал, что под напускной суровостью командира полка скрывается доброе сердце. Тот мог сколько угодно ворчать на Сун Чжиши, но втайне все равно переживал за парня.

— Сам ищу, — мягко ответил комиссар. — Он ведь только пришел в вокальную труппу, зеленый еще. Видимо, на этот раз его оставили в запасе.

— Работа в Ансамбле песни и пляски — дело серьезное, теплое местечко, — вздохнул Лю Фуцин. — Лишь бы взялся за ум, трудился на совесть и жил с Гу Хуаем душа в душу. Большого от него и не требуется.

Все в зале были уверены, что Сун Чжиши пристроили в вокальную труппу. Петть-то всякий горазд, а в танцевальную труппу парней не берут. Да и в оперный класс этот изнеженный барчук вряд ли бы вписался — не арии же ему выводить.

Выступление пролетело на одном дыхании, и за кулисами наконец облегченно выдохнули. Песня в исполнении Чу Сюйин сорвала бурные овации как простых солдат, так и командования.

Она возвращалась за кулисы как полководец после победы. Коллеги тут же обступили ее плотным кольцом.

— Товарищ Чу, вы правда дебютировали сегодня? Не верится!

— Сюйин, это было потрясающе! Зрители в зале просто рты разинули!

— Да они не разинули, они дышать забыли, пока слушали!

— Ладно вам спорить! Если бы не товарищ Чу, мы бы сегодня с позором провалились!

— Она буквально спасла репутацию нашего Ансамбля песни и пляски. Мы все должны сказать ей спасибо!

От сыпавшихся со всех сторон восторгов сама Чу Сюйин даже растерялась. Без сценического пафоса она вновь превратилась в простую, немного застенчивую девчонку.

— Да ладно вам, не стоит благодарностей, — смущенно улыбнулась она. — Я просто сделала то, что должна была. На самом деле у меня поджилки тряслись от страха! Если бы не поддержка одного человека, я бы в жизни не решилась выйти.

— И кто же этот герой? — наперебой зашумели хористы.

Чу Сюйин лишь загадочно улыбнулась и заговорщически подмигнула стоявшему в самом конце толпы Сун Чжиши. Тот улыбнулся ей в ответ. Этот маленький секрет остался только между ними.

— Ну всё, по местам! — раздался зычный голос повеселевшего директора Ли. — Расходитесь, остался последний номер. Всем приготовиться!

Стоявшая поодаль Ян Хуэйцинь наконец-то высокомерно расправила плечи. Ее балет «Красный женский отряд» шел под занавес — единственный танцевальный номер за весь вечер. Правда, ее злило, что безголосые певцы умудрились перетянуть на себя все внимание, но как ведущая солистка танцевальной труппы и бывшая звезда городского агитотряда, она была уверена, что легко затмит какую-то там выскочку из хора.

На сцене конференсье уже закончил объявлять номер.

Единственный танец за весь вечер, да еще и в исполнении исключительно молодых, симпатичных девушек! Толпа солдат-холостяков в зале взревела от восторга, выкрикивая название балета:

— «Красный женский отряд»!

— Дашь «Красный женский отряд»!

Ян Хуэйцинь чувствовала, как сердце сладко замирает от этого оглушительного гула. Вот она — слава, которой она так жаждала!

Через мгновение девушки, чеканя шаг, грациозно выпорхнули под свет софитов.

Ян Хуэйцинь эффектно повела рукой, готовясь к высокому батману, но тут ее взгляд скользнул по замыкающей танцовщице. От удивления солистка едва не заплелась в собственных ногах и чуть не растянулась на глазах у сотен зрителей. Спас ее лишь колоссальный сценический опыт: она мгновенно перестроилась и замаскировала заминку плавным переходом. И все же безупречный рисунок танца был нарушен.

Из зрительного зала за выступлением внимательно следила капитан Чжу Фанцзе. Опытный глаз наставницы мгновенно уловил секундное замешательство Ян Хуэйцинь. Нахмурившись, она пробежалась взглядом по танцовщицам и замерла.

Ее глаза округлились от шока.

«Да как она посмела?!»

Чжу Фанцзе едва не задохнулась от гнева и вскочила с места, забыв о приличиях.

На левом фланге, на месте Линь Фан, грациозно порхала ее племянница — Чжу Луша!

Мало того что директор Ли ясно дал понять, что новичков на сцену не пустит, так ведь Чжу Луша даже не знала хореографию этого балета! Она ни разу не репетировала с группой, но при этом преспокойно улыбалась зрителям из последнего ряда!

Теперь Чжу Фанцзе вообще не видела балет — всё ее внимание было приковано к наглой племяннице в углу сцены.

Цуй Дафу тоже заметил подмену. Он все еще помнил прошлые обиды, когда Чжу Фанцзе публично уязвила его самолюбие. К тому же из-за пропажи племянника ему знатно влетело от директора. Упустить такой шанс уколоть соперницу он не мог.

— Надо же, — ядовито прошептал он ей на ухо. — Наша кристально честная капитан Чжу, оказывается, тоже не брезгует кумовством? Выступление государственной важности, директор строго-настрого запретил выпускать новичков, а в углу, кажется, ваша племянница скачет?

Чжу Фанцзе сжала кулаки, с трудом сдерживая ярость:

— У меня были на то веские причины. И отчитываться я буду перед директором Ли, а не перед вами.

Цуй Дафу хмыкнул, но устраивать скандал при высоком начальстве не решился:

— Посмотрим, как вы будете выкручиваться.

Тем временем за кулисами директор Ли раздавал указания рабочим сцены собирать реквизит — возвращаться в город предстояло ночью, так что сборы следовало начать заранее.

В этот момент из коридора выбежал запыхавшийся староста Чжан из вокальной труппы и в панике закричал:

— Беда! Мы забыли про сольный номер!

Закулисье снова погрузилось в зловещую тишину. Все замерли, переглядываясь в тревоге.

— Сольный?.. Ах да, сольный! — Ли Фэнчунь хлопнул себя по лбу. Получасом ранее комиссар Чжао просил добавить в программу короткий инструментальный номер, и Цуй Дафу тут же вызвался выставить своего племянника с баяном.

Но Цуй Пэн-то испарился!

Никогда еще директор Ли не испытывал такого омерзения к этой проницательной семейке Цуй. Череда непрекращающихся проблем подкосила его здоровье — перед глазами поплыли круги, ноги подкосились.

— Директор Ли! Вам плохо?! — закричали со всех сторон.

Сун Чжиши, оказавшийся ближе всех, подхватил покачнувшегося мужчину и осторожно усадил его на стул.

Директор был на грани обморока. Новость о новой катастрофе мгновенно разлетелась, и кто-то из закулисья шепнул Чжу Фанцзе и Цуй Дафу, сидевшим в зале, что творится неладное.

Чжу Фанцзе разрывалась между тревогой за племянницу, которая вот-вот могла сорвать танец, и беспокойством о здоровье директора. В конце концов, прагматизм победил:

— Идем обратно, нужно разобраться.

Балет «Красный женский отряд» как раз завершился — слаженно, красиво и без сучка без задоринки. Чжу Фанцзе облегченно выдохнула. Но следом по плану шло соло на баяне, исполнитель которого канул в Лету. Причем Цуй Дафу, пронюхав о беде, испарился и не спешил возвращаться за кулисы, надеясь отсидеться в тени и переждать грозу.

Ли Фэнчунь дрожащим от ярости пальцем указал на дверь:

— Найдите Цуй Дафу! Пусть этот старый прохвост сам берет инструмент и выметается на сцену!

У Цуй Дафу имелся трофейный советский баян — его гордость, о которой он не упускал случая раструбить при каждом удобном случае. Играть он, конечно, умел, но захотят ли зрители лицезреть на сцене потного мужика средних лет — директора Ли сейчас волновало меньше всего.

Вообще-то баян не считался каким-то элитарным инструментом, скорее наоборот — был душой любой компании и самым народным инструментом. Десяток лет назад мода на него охватила всю страну, но в Хэло настоящих виртуозов не хватало. Никто из присутствующих не рискнул бы выйти с сольным номером, да и прикоснуться к драгоценному баяну капитана Цуя все откровенно побаивались — не дай бог поцарапаешь, потом вовек не расплатишься.

Но надо же было такому случиться, что Сун Чжиши владел этим искусством.

В отличие от большинства самоучек, юный господин Сун с детства обучался музыке, танцам и живописи у лучших мастеров страны. Правда, с тех пор прошли десятилетия его долгой первой жизни... Слышатся ли еще пальцы?

Пока все в панике спорили, Сун Чжиши спокойно поднялся со своего места и негромко предложил:

— Может... я попробую?

Ли Фэнчуню показалось, будто сами небеса сжалились над ним. Каким-то чудом в самый безнадежный момент судьба раз за разом посылала ему спасителей. Будучи убежденным материалистом, директор Ли сейчас мысленно молил всех известных богов и предков о покровительстве, не упустив ни одного имени.

Закулисы затаило дыхание. Даже всегда хладнокровная Чжу Фанцзе не выдержала и с явной тревогой проводила взглядом тонкую, хрупкую фигуру юноши, выходящего на сцену.

Стоило Сун Чжиши сделать шаг под софиты, как в зале воцарилась тишина.

Лэй Цинго, Чжан Файи, Лю Фудин и Чжао Юаньшу уставились на него, разинув рты. Они мгновенно узнали его.

Но позвольте! Из рассказов следовало, что парень поет в хоре. Откуда взялся сольный инструментальный номер?

Поскольку конференсье не знал, какую именно вещь готовил пропавший Цуй Пэн, он просто объявил «соло на баяне», заинтриговав публику.

Гордостью Цуй Дафу был роскошный кнопочный баян советского производства — редкая и сложная модель, названная в честь легендарного древнерусского сказителя Бояна. В отличие от стандартных клавишных аккордеонов, правая клавиатура этого инструмента открывала исполнителю невероятный, поистине оркестровый диапазон звучания. И Сун Чжиши умел с ним обращаться.

Юноша опустился на стул в центре сцены. Теплые лучи прожекторов слепили глаза, скрывая зрительный зал за непроницаемой стеной полумрака. Это помогло ему мгновенно справиться с волнением.

Перед тем как коснуться кнопок, он почему-то вспомнил о Гу Хуае. Тот ведь тоже должен был сидеть сейчас там, в темноте, и слушать его... Жаль, что его сегодня здесь нет.

«Так, Сун Чжиши, соберись. Откинь лишние мысли».

Пальцы взлетели над мехом и мягко опустились на клавиатуру.

Воздух со свистом хлынул сквозь клапаны, и первые, мягкие, тягучие аккорды поплыли над замершим залом.

Сначала его движения казались чуть скованными, но мышечная память быстро взяла свое, и он полностью растворился в музыке.

Он играл мелодию, которую здесь никто никогда не слышал. Она была щемяще-прекрасной, напоенной светлой грустью о разлуке и нежными грезами о встрече. Ее тонкие, изысканные созвучия манили непривычной уху экзотикой, заставляя сердца слушателей сжиматься в сладкой тоске.

Когда стих последний аккорд, Сун Чжиши изящно поднялся и отвесил безупречный поклон. Его манеры были безукоризненны — ни одного лишнего жеста, благородная осанка, аристократическое изящество. Казалось, перед публикой выступает не безвестный артист провинциального ансамбля, а признанный виртуоз в филармонии.

В первых рядах кто-то робко хлопнул, звук одиноких ладоней эхом прокатился по залу, а в следующий миг плотину прорвало. Зал взорвался оглушительным, яростным шквалом аплодисментов.

— Еще одну! — выкрикнул кто-то из темноты.

И сотни голосов тут же подхватили этот призыв.

Сидевший в первом ряду седовласый военачальник добродушно улыбнулся и произнес достаточно громко, чтобы его услышали и на сцене, и за кулисами:

— Пусть молодой товарищ сыграет еще раз. Думаю, мы все хотим продлить это удовольствие. Верно, товарищи?

— Да-а-а! — громом отозвался зал.

Накатившая волна восторга едва не сбила Сун Чжиши с ног. Он стоял, ослепленный прожекторами, не видя лиц, но спиной чувствуя эту колоссальную, чистую энергию сотен людей. Ни в этой, ни в прошлой жизни он не испытывал ничего подобного.

«Так вот ты какая... магия сцены».

Общий свет плавно угас, и из темноты выхватился одинокий, ослепительно белый луч прожектора, сфокусировавшись прямо на юноше. Подобной чести сегодня не удостоивался ни один артист. Это было негласное признание его триумфа.

В прошлой жизни он был безликой тенью в хоре, тем самым статистом, чьего отсутствия никто и не заметил бы. В этой жизни его мариновали на скамейке запасных, и бог весть, когда бы ему снова выпал шанс показать себя.

Но сейчас, в этот самый миг, он царил на сцене. Весь этот мир принадлежал только ему.

Луч света казался холодным, но кровь в жилах Сун Чжиши бурлила. Он мельком глянул на кулисы — там, в темноте, застыли его коллеги, ловя каждое его движение.

Он жестом попросил у ведущего стойку под микрофон и установил ее на нужную высоту. Зал одобительно загудел, приветствуя его возвращение к инструменту.

Ему нужно было заявить о себе, заставить уважать, пробить эту стену предвзятости. Для этого требовалось показать класс. А уж таланта и мастерства ему было не занимать!

Сун Чжиши прикрыл глаза, сделал глубокий вдох и коснулся клавиш.

После долгого, витиеватого и невероятно красивого вступления он приблизил губы к микрофону:

— Околдованный тихим мерцанием звезд, сад притих, погружаясь во тьму... Ночь струится прохладой, покоем дыша, в этом дивном, волшебном саду... — запел он на китайском, переводя старую советскую классику.

Голос его не обладал мощью Цуй Пэна или звонкостью Чу Сюйин, но в нем крылось особое, бархатистое очарование, идеально подходившее для камерной, душевной лирики.

Петь и одновременно аккомпанировать себе на баяне — задача сложнейшая, требующая ювелирной координации.

Чжан Файи в такт музыке постукивал пальцами по колену, восхищенно качая головой:

— А парень-то хорош. С характером, да и талант налицо.

Лэй Цинго молча согласился. Чжан Файи всегда слыл ценителем искусства, а вот сам Лэйцзы вместе с Гу Хуаем считали себя простыми служаками, далекими от всех этих возвышенных материй. Но сейчас музыка Сун Чжиши заставила его усомниться в собственной «неотесанности». Может, он тоже что-то смыслит в прекрасном?

Или он действительно судил об этом изнеженном барчуке слишком предвзято? Ведь весь затихший зал слушал его, затаив дыхание, очарованный до глубины души.

Лэй Цинго помалкивал, а Чжан Файи, не дождавшись от него ответа, тихонько замурлыкал мотив себе под нос. Но вскоре слова застряли у него в горле.

Первый куплет подошел к концу. Сун Чжиши услышал, как из зала доносится тихое, стройное подпевание — мелодия-то была знакома многим. Уголки его губ тронула едва заметная улыбка, и он запел дальше. Но теперь это был уже не китайский язык.

— Не слышны в саду даже шорохи, всё здесь замерло до утра... Если б знали вы, как мне дороги подмосковные вечера...

По залу пронесся вздох изумления.

Он пел на чистейшем русском!

Чжао Юаньшу от неожиданности резко выпрямился, но тут же взял себя в руки, стараясь вернуть невозмутимый вид. Он краем глаза заметил, как изменились лица сидевших рядом высокопоставленных офицеров. Из праздных слушателей они мгновенно превратились в глубоко тронутых, серьезных ценителей, вслушивающихся в каждое слово.

Но любая, даже самая прекрасная сказка когда-нибудь заканчивается.

Последний аккорд растаял в тишине зала, поставив величественную точку в этом триумфальном выступлении.

За кулисами Ли Фэнчунь шумно выдохнул, чувствуя себя так, словно только что избежал расстрела. Он дрожащей рукой вытер холодный пот со лба. И лишь сейчас понял, что от долгого напряжения его ноги затекли и стали ватными.

Опустившись на стул, директор Ли почувствовал небывалую ясность мыслей. Кто бы мог подумать, что этот Сун Чжиши — такой самородок? Мало того что в танцевальной труппе мастер, так еще поет великолепно, да к тому же языком владеет без запинки!

Душу директора затопила волна ликования. Он нашел золото. Настоящий неограниченный алмаз! Теперь-то он до конца понял, почему Чжу Фанцзе так носилась с этим парнем.

Сун Чжиши вернулся за кулисы под прицелом десятков восторженных глаз. И друзья, и недоброжелатели тут же облепили его со всех сторон. Люди сами не понимали, почему тянутся к нему, но интуитивно чувствовали: этот парень взлетит высоко, и тесные стены их провинциального Ансамбля песни и пляски очень скоро станут ему малы.

Наконец кто-то из толпы вокальной труппы выдохнул:

— Товарищ Сун, ну ты и силен! Настоящий скрытый талант!

Больше всех радовались Пэн Сутао и Чжоу Хэпин. Они тоже были из танцевальной труппы и, как немногие мужчины-танцоры в коллективе, уже почти смирились с тем, что им ловить на этой сцене нечего. Но триумф их соседа по комнате не просто наполнил их гордостью за товарища, но и подарил робкую надежду на собственное будущее.

Кто-то первым захлопал в ладоши, и через секунду все закулисье дружно аплодировало Сун Чжиши и Чу Сюйин. Эти двое спасли Ансамбль песни и пляски от неминуемого краха, заслужив искреннее уважение коллег.

Впрочем, радовались не все. Ян Хуэйцинь буквально кипела от злости.

Она-то рассчитывала стать главной звездой этого вечера! А в итоге ее затмила сначала девчонка из хора, а затем этот выскочка Сун Чжиши, поднявший планку концерта на недостижимую высоту. Теперь, когда занавес опустился, кто вообще вспомнит ее сольную партию в «Красном женском отряде»? Ян Хуэйцинь натянула фальшивую улыбку, но в кулаках ее ногти до крови впились в ладони.

Затем настал черед финального поклона. Ли Фэнчунь вывел на сцену всех артистов Ансамбля песни и пляски, к которым присоединились участники самодеятельности из местных коммун и армейских частей.

Сун Чжиши скромно пристроился у самого края, но директор Ли лично потащил его за рукав в самый центр.

В итоге парень оказался в заветном центре сцены: слева от него стояли Ли Фэнчунь и насупившийся Цуй Дафу, справа — Чжу Фанцзе и натянуто улыбающаяся Ян Хуэйцинь.

Зрители-военные аплодировали слаженно, в едином ритме, отчего этот грохот сотен ладоней звучал мощно и внушительно. Сун Чжиши купался в этих овациях, понимая, что львиная доля признания принадлежит ему. Его маленькое тщеславное сердце трепетало от восторга.

Ли Фэнчунь уводил артистов на поклон снова и снова, прежде чем публика потянулась к выходу, бурно обсуждая увиденное.

В былые времена, до эпохи строгих образцовых спектаклей, новогодние представления устраивали ежегодно, но уровень их был откровенно низок — грубоватые и простые пьески. Для простых деревенских парней и это было за счастье. Позже все свелось к стандартному набору революционных опер.

Поэтому приезда профессионального Ансамбля песни и пляски на День армии ждали с огромным нетерпением как офицеры, так и их семьи. И ожидания оправдались сполна: уровень мастерства артистов разительно отличался от сельской самодеятельности. Такое грандиозное зрелище они будут вспоминать еще долго.

Главной темой разговоров, без сомнения, стало выступление Сун Чжиши.

В военном городке его имя и раньше было у всех на слуху, но славился он исключительно капризным нравом, ленью и полным отсутствием талантов. Сегодняшний вечер в один миг перевернул его репутацию. Оказалось, изнеженный молодой господин вовсе не был безнадежным бездельником — просто его утонченные руки были созданы для музыки, а не для черной домашней работы, а его изящные губы — для песен, а не для склок на кухне...

Зрители разошлись, но высокое начальство не спешило покидать зал.

Один из офицеров подозвал к себе директора ансамбля:

— Как зовут того юношу, что пел и играл на баяне?

Ли Фэнчунь расплылся в подобострастной улыбке:

— Товарищ начальник, это Сун Чжиши, наш новый артист танцевальной труппы.

Офицер одобрительно кивнул:

— Отличная работа. И танцует, и поет — редкий разносторонний талант. Товарищ Ли, обратите на парня особое внимание, его нужно продвигать.

— Обязательно, товарищ начальник! Непременно! — закивал директор Ли.

Цуй Дафу тут же попытался вставить свои пять копеек и очернить конкурента:

— Товарищ командующий, вы не знаете всего, этот Сун Чжиши на самом деле...

Ли Фэнчунь, даже не оборачиваясь, с размаху наступил Цуй Дафу своим тяжелым каблуком на ногу. Тот охнул и согнулся в три погибели, мгновенно лишившись дара речи.

Сидевший в центре старый военачальник, несмотря на преклонные лета, обладал отменным слухом. Услышав их возню, он небрежно бросил:

— А кто это, по-вашему? Внук старого Сун Цинжуна, вот кто.

Руководство Ансамбля песни и пляски застыло в немом изумлении:

— Вы... знаете его семью?

Старик спокойно улыбнулся, предаваясь воспоминаниям:

— Да как не знать. В те годы меня сдал предатель, японские псы прочесывали весь город. Если бы старина Сун не укрыл меня тогда, рискуя собственной шкурой, меня бы давно в живых не было... Ладно, дела давно минувших дней.

Эта новость окончательно лишила присутствующих дара речи. Оказалось, дед этого «капризного барчука» спас жизнь самому главному генералу!

Цуй Дафу от страха едва не лишился чувств и мысленно поклялся больше никогда в жизни не открывать рот в присутствии Сун Чжиши.

Старый военачальник много лет занимал высокие посты, и за его благодушной улыбкой по-прежнему скрывалась стальная воля:

— В последние годы провинция активно поддерживает искусство. Возите ребят на конкурсы, пусть набираются опыта. Глядишь, дорастут и до всесоюзного масштаба.

Все хором закивали, соглашаясь с каждым словом.

Когда высокие гости откланялись, Ли Фэнчунь поспешил к комиссару Чжао, чтобы разузнать подробности об этих визитерах.

Чжао Юаньшу был в прекрасном расположении духа, поэтому охотно удовлетворил его любопытство, заодно решив укоротить хвосты некоторым интриганам:

— Тот пожилой товарищ в центре — заместитель командующего нашего военного округа. Он впервые приехал с визитом в уезд Фуци. Вашему Ансамблю песни и пляски крупно повезло завоевать его личное расположение. Однако впредь будьте осмотрительнее и работайте на совесть, без фокусов.

Ли Фэнчунь понял намек: комиссар раскусил их закулисные дрызги и едва не случившийся провал. Спесь с директора мгновенно слетела, и он покорно кивал, провожая комиссара до машины и не смея издать лишнего звука.

Цуй Дафу никак не мог переварить услышанное. Этот Сун Чжиши — всего лишь жалкий запасной, даже не числящийся в основном составе Ансамбля песни и пляски! Как у него могла оказаться столь могущественная родня?

А что же делал виновник этого переполоха в данный момент?

— Мастер Фань, давненько не виделись, — раздался вкрадчивый голос из полумрака.

Фань Говэй с кислым лицом обернулся и увидел Сун Чжиши, который, скрестив руки на груди, непринужденно подпирает ствол раскидистого дерева неподалеку.

Юноша приветливо улыбнулся:

— Мастер Фань, время поджигает, давайте-ка перейдем к делу.

У Фань Говэя в голове не укладывалось, как этот возвышенный музыкант, только что блиставший на сцене под софитами, умудрялся в один миг превращаться в наглого дельца, готового обобрать до нитки.

— Есть у тебя что-нибудь стоящее в закромах? — в лоб спросил Сун Чжиши.

— Какое там «стоящее», парень! Сейчас проверки на проверках, дышать не дают!

Сун Чжиши отмахнулся:

— Мясо мне не нужно. Ищу дефицит: солодовое сухое молоко, конфеты хорошие, печенье. Если есть детское сухое молоко — вообще отлично.

Он твердо решил раздобыть для маленькой племянницы лучшие гостинцы.

— Нет ничего, честное слово. Сам посмотри, — вздохнул Фань Говэй, извлекая из тайника свертки, которые вез под заказ.

Взгляд Сун Чжиши моментально зацепился за отрез нежно-розовой, как лепестки лотоса, ткани.

— А это что такое?

— Ой, нет-нет, это не трогай! — Фань Говэй торопливо попытался спрятать сверток обратно. — Это жене моей везу, она давно просила на новое платье.

— Мастер Фань, побойтесь бога. Неужели вашей супруге подойдет такой девичий цвет? Он же совсем нежный... Давайте так: я забираю этот отрез за двойную цену. Идет? — включил щедрого барина молодой господин Сун.

— Нельзя, парень, нельзя. Такой отрез днем с огнем не сыщешь, к тому же это чистый хлопок!
— Фань Говэй впервые проявил упрямство.

Чистый хлопок! Это же идеальный вариант для малышки!

— Тройная цена! Я плачу втрое больше! Подумайте хорошенько, мастер Фань, — Сун Чжиши многозначительно пошевелил пальцами. Сегодня он спас Ансамбль песни и пляски от позора, так что премия от директора Ли ему гарантирована, можно не скупиться.

— Черт с тобой... По рукам! — выпалил Фань Говэй, едва не скрежеща зубами от досады. Деньги он любил безумно, но гнева супруги боялся еще сильнее.

С другой стороны, тройной навар манил слишком сладко.

На обратном пути Сун Чжиши довольно улыбался, прижимая к груди драгоценную добычу. Он уже представлял, как обрадуется его старшая сестра таким роскошным подаркам.

Впрочем, не он один решил улизнуть под шумок. Чжу Луша тоже незаметно выскользнула на улицу.

Она долго бродила среди разъезжающихся военных, тщетно высматривая в толпе фигуру своего возлюбленного. Наконец, не выдержав, она окликнула проходящего мимо офицера.

И надо же было такому случиться, что этим офицером оказался Чжан Файи.

— Товарищ, простите... — робко и кокетливо начала Чжу Луша, потупив взор. — Я хотела спросить... А почему сегодня не пришел батальонный командир Гу?

Во время своего выступления она во все глаза всматривалась в передние ряды, но слепящие софиты мешали что-либо разглядеть, а после концерта след командира простыл.

Чжан Файи окинул девушку долгим, изучающим взглядом. Красивая, этого не отнимешь. Но именно это и настораживало. С каких это пор у Лао Гу появились подобные знакомства на стороне, да еще и в танцевальной труппе, где крутится бывший муж Гу Хуая, Сун Чжиши?

— А вы, собственно, кем ему приходитесь? — прищурился ротный. — Зачем вам батальонный командир Гу?

— Я... просто... — Чжу Луша покраснела и замялась, не зная, что ответить. Ведь сам Гу Хуай даже не подозревал о ее существовании — вся эта влюбленность была лишь ее девичьей фантазией.

Видя, что девчонка вот-вот разрыдается, Чжан Файи сжалился и выложил правду:

— Можете не искать его. В части его больше нет.

— Как это «нет»? — растерялась она.

— Он демобилизовался. Перевелся на гражданскую службу.

— Что?! Ушел из армии?! — Чжу Луша застыла, словно громом пораженная. В голове набатом застучала мысль: «Значит, весь мой сегодняшний риск... всё это было впустую?»

Чжан Файи покачал головой, испытывая к ней легкое сочувствие:

— Да, уехал больше двух недель назад. Куда именно — военная тайна, сказать не могу.

Чжу Луша, понурив голову, поплелась прочь. От расстройства она не смотрела под ноги и со всего размаху врезалась в кого-то грудью.

Она уже зажмурилась, ожидая падения на твердую землю, но сильные, мозолистые руки вовремя подхватили ее за плечи. Перед ней стоял высокий, плечистый и невероятно крепко сложенный мужчина.

— Простите, товарищ! Вы целы? — басовито спросил он.

— Да... спасибо, все в порядке, — тихо буркнула Чжу Луша, высвобождаясь из его рук.

— А... ну хорошо, — растерялся Лэй Цинго.

Он впервые в жизни оказался так близко к молодой красивой девушке. От ее нежного запаха его лицо мгновенно вспыхнуло до самых ушей. По счастью, в темноте южной ночи его густой загар надежно скрыл предательский румянец.

Едва девушка скрылась из виду, Лэй Цинго с силой потер пылающие щеки, пытаясь прийти в себя.

— Это еще кто? — спросил он подошедшего Чжана.

— Понятия не имею. Расспрашивала про Гу Хуая.

— Про Лао Гу? — Лэй Цинго нахмурился. — А он-то ей зачем?

— Откуда мне знать? Хочешь подробностей — догони и спроси, — усмехнулся Чжан Файи.

Вспомнив ощущение тонкой, хрупкой талии под своими пальцами, Лэй Цинго снова почувствовал, как жар приливает к лицу.

— Да ну тебя! Стану я еще за ней бегать... Мы даже не знакомы.

— Она из танцевальной... в смысле, из Ансамбля песни и пляски, — подсказал Чжан Файи. — Коллега Сун Чжиши.

Лэй Цинго молча повторил про себя это название, бережно сохранив его в памяти.

Чжу Луша медленно побрела к автобусам. Пройдя несколько шагов, она ведомая неведомым чувством оглянулась назад. Широкий, могучий силуэт поддерживавшего ее мужчины уже растворялся в темноте, но в ее памяти он вдруг странным образом слился с образом того, кого она искала.

Впрочем, сейчас ей было не до романтических сравнений. Она торопилась вернуться к своим, злобно нашептывая под нос ругательства:

«Ну и гад же этот Сун Чжиши! Скрытный какой! Муж из армии уволился, а он хоть бы словом обмолвился! Специально, небось, надо мной издевался, хотел, чтобы я душой перед всеми выставилась!»

Изнуренная труппа вернулась в расположение Ансамбля песни и пляски глубокой ночью. Ли Фэнчунь планировал провести разбор полетов по горячим следам, но, глядя на еле живых от усталости артистов, сжалился и распустил всех по комнатам.

Ночь прошла без происшествий. На следующее утро танцевальную труппу экстренно собрали в репетиционном зале.

Едва артисты вошли в класс, как натолкнулись на ледяной, суровый взгляд ожидавшей их Чжу Фанцзе.

Сун Чжиши тихонько толкнул локтем стоявшую рядом девушку:

— Что происходит? Нам устроят порку?

Обычно неразговорчивая балерина после вчерашнего триумфа Сун Чжиши мигом сменила тон — теперь с будущей звездой все хотели дружить. Она охотно зашептала в ответ:

— Ты еще не слышал? Чжу Луша вчера устроила самоуправство и вылезла на сцену без разрешения!

Сун Чжиши перевел взгляд на капитана Чжу и действительно заметил стоявшую поодаль Чжу Лушу. Та стояла бледная как полотно, поджав губы и не смея поднять глаз.

Чжу Фанцзе резко хлопнула в ладоши, призывая к тишине.

— Раз все в сборе, начнем собрание.

— Вчерашнее выступление вы все видели. Прежде всего, хочу выразить благодарность девочкам основного состава. Вы отлично справились и показали достойный уровень.

Капитан Чжу редко баловала труппу похвалами, но вчерашний балет действительно заставил ее изрядно понервничать. Ян Хуэйцин в роли солистки выложилась на все сто, удержав строй в критический момент.

Внезапно голос Чжу Фанцзе стал ледяным:

— Однако у нас есть и те, кто заслуживает жесткого порицания.

— Чжу Луша за подкуп коллеги и Линь Фан за самовольный уход с поста штрафуются на месячный оклад. Удержанные средства пойдут на выплату премий остальным артистам танцевальной труппы. Предупреждаю всех: за любую подобную выходку впредь виновные получают выговор с занесением в личное дело!

Выговор с занесением в личное дело — это черная метка на всю жизнь. В зале воцарилась гробовая тишина: все поняли, что Чжу Фанцзе настроена решительно.

Правда, саму Чжу Лушу, происходившую из весьма обеспеченной семьи, потеря месячного оклада не особо пугала. Отдать скромную зарплату за шанс блеснуть на сцене — сделка, о которой она ни секунды не жалела.

Чжу Фанцзе прекрасно это понимала, а потому приготовила для нее особое наказание:

— Раз уж тебе так не терпится танцевать, с сентября встаешь в пару с Сун Чжиши. Будете тренироваться по восемь часов ежедневно.

Сун Чжиши, до этого момента с ухмылкой наблюдавший за чужой взбучкой, почувствовал, как улыбка сползает с его лица.

«Подождите... Наказывают ее, а пахать заставляют меня?!»

<http://bllate.org/book/19670/1996404>